

Андрей
ИКОННИКОВ-
ГАЛИЦКИЙ
◆
В ТИХОМ
ОМУТЕ
НЭПА

**Анджей Анджеевич Иконников-
Галицкий**
В тихом омуте нэпа
Серия «Преступление / Наказание»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73813348

*В тихом омуте нэпа: Азбука, Издательство АЗБУКА; СПб; 2026
ISBN 978-5-389-32656-9*

Аннотация

Книга известного историка и публициста Анджея Иконникова-Галицкого является продолжением его авторского цикла о криминальной жизни бывшей столицы Российской империи и на этот раз посвящена периоду нэпа. В ней рассказывается о суровом противостоянии Угрозыска и милиции уголовному миру нэповского Петрограда—Ленинграда. Среди персонажей книги есть такие знаменитости, как, например, король бандитов Ленька Пантелеев и родоначальник петербургской школы научно-криминалистической экспертизы новой эпохи Алексей Андреевич Сальков. Ряд глав специально посвящен различным видам преступлений: бандитизму, убийствам, мошенничеству, воровству, разбою, проституции, хулиганству и др., а также работе сотрудников правоохранительной системы: судов, отделений милиции, исправительно-трудовых учреждений. Книга написана на основании газетно-журнальной судебной

и милицейской хроники и научных исследований. Издание снабжено вклейкой с иллюстрациями.

Содержание

Вступление	9
Город-призрак	10
В зеркале демографии	13
Душу за керосин	17
Помыться, жениться и умереть	20
«Ввиду отсутствия обмундирования...»	24
Часть I. Эхо революции	28
«На бой кровавый, Мишка Корявый!»	28
«Нервные люди»	29
«Здравствуйте, я – Пантелеев»	35
Багровый закат	39
Эпилог или пролог?	42
Дегустаторы свежей крови	45
Братья-разбойники	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Анджей Иконников- Галицкий

В тихом омуте нэпа

© А. А. Иконников-Галицкий, 2007, 2026

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

КНИГИ
Анджея
ИКОННИКОВА-ГАЛИЦКОГО

БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ И ПРЕСТУПНЫЙ
Хроники петербургских преступлений

ЧЕРНЫЕ ТЕНИ КРАСНОГО ГОРОДА

В ТИХОМ ОМУТЕ НЭПА

Анджей
ИКОНИКОВ-
ГАЛИЦКИЙ

В ТИХОМ ОМУТЕ
НЭПА

Санкт-Петербург

Вступление

Живая вода для мертвого города *Петроград на исходе Гражданской войны*

В 1918–1920 годы погода в Петрограде не изумляла жителей сюрпризами. Январские морозы сменялись февральскими метелями, те – мартовскими оттепелями, и так далее, и всё в пределах нормы. Единственная аномалия, которую отметили тогдашние синоптики в своих отчетах, – необычайно теплый апрель 1920 года. В середине месяца установилась прямо-таки летняя погода, днем +21 °С. Жители города с наслаждением вдыхали весенний воздух, снимали заношенные пальто, подставляли бледные лица и худые шеи живительным солнечным лучам. Где-то гроыхала Гражданская война, устанавливалась, свергалась и вновь торжествовала революционная власть. А здесь было просто тепло, и это вселяло надежду. После холода и голода двух предшествующих лет, после красного террора и сыпного тифа, после всего, что пришлось пережить жителям «столицы Северной коммуны», – наконец-то тепло и солнце. Казалось, самое страшное позади. А впереди – жизнь, несмотря ни на что.

Город-призрак

Зимой 1920 года малоизвестный тогда, а нынче и вовсе забытый поэт Вильгельм Зоргенфрей написал стихотворение «Над Невой»:

Поздней ночью над Невой,
В полосе сторожевой
Взвыла злобная сирена,
Вспыхнул сноп ацетилена.

Снова тишь и снова мгла.
Вьюга площадь замела.

Крест вздымая над колонной,
Смотрит ангел окрыленный
На забытые дворцы,
На разбитые торцы...

Поэт запечатлел то, что нелегко бывает разглядеть даже на фотографиях: лик города, похожий на посмертную маску. Погруженный во мрак Петроград, площадь, замеченная снегом, кажущаяся бескрайней по причине удручающего безлюдья. Разграбленные особняки, чернеющие пустыми оконными проемами; заколоченные двери парадных подъездов, перекоренные деревянные торцы некогда идеальных мо-

стовых. Город мертвых, летучий голландец. Люди в нем похожи на тени.

В нише темного дворца
Вырос призрак мертвеца,
И погибшая столица
В очи призраку глядится.

Город, выпестовавший революцию, казалось, погиб в ее ледяном огне. И все-таки выжил. 1920 год оказался переломным. В его начале – безнадежная разруха, голод, холод, тиф. К концу – что-то начинает меняться. По плану, только что утвержденному в Москве и носящему странное название «ГОЭЛРО», начинает строиться Волховская ГЭС. Продовольственное снабжение чуточку улучшается. Заводы худо-бедно начинают работать. Битком набитые трамваи пусть изредка, но все-таки ползают по рельсам. Уже собираются тучи Кронштадтского мятежа, грядут новые расстрелы, но это будет последняя затронувшая Петроград вспышка революционной смуты. За ней последует постепенная отмена свирепых норм военного коммунизма, а там уже маячит свобода торговли, восстановление денежного обращения – словом, нэп. Мертвый город побрызгали живой водой гражданского мира – и он зашевелился.

Для Петрограда – Ленинграда последствия четырех революционных лет оказались огромными. Прежде всего сменилось население. По сути дела, в годы нэпа Петрограду – Ле-

нинграду предстояло быть заселенным заново. В его артерии и вены влилась новая кровь.

В зеркале демографии

Теперь трудно поверить, что в начале прошлого века рождаемость в России была самой высокой в Европе и одной из самых высоких в мире. В 1909–1913 годы в Петербурге в среднем в год на тысячу жителей приходилось 28,7 рождений. Это меньше, чем в Москве (34,7 рождения на тысячу) и по России в целом (44,3). Питер отставал от страны, и причины тому три: дороговизна жизни, неблагоприятный климат и преобладание мужского населения (искатели чинов и мест, сезонные рабочие, солдаты и прочие служилые люди) над женским. Тем не менее демографические показатели в столице Российской империи были выше, чем в Париже, Вене, Риме, Лондоне и Берлине. Правда, и смертность выше: за тот же период она составляла в среднем в год 23,2 случая на тысячу жителей. Пик рождаемости – 1907 год: родилось 57 304 человека (умерло 44 232, прирост – 13 072). Наивысший естественный прирост населения – 1911 год: превышение рождаемости (56 966 рождений) над смертностью (41 653 смертей) составило 15 313 душу.

Естественный прирост дополнялся постоянным притоком переселенцев из всех городов и весей необъятной России. В итоге предреволюционное десятилетие стало временем стремительного роста численности жителей столицы. В 1913 году население Петербурга составляло более 2,1 мил-

лиона человек, увеличившись за полтора десятилетия почти вдвое. А к лету 1917 года, несмотря на мобилизацию, достигло 2,5 миллиона. Однако с началом Мировой войны демографическое благополучие покинуло переименованную столицу. Уже в 1915 году в Петрограде умерло народу почти на тысячу больше, чем родилось, в 1916-м – на 10 тысяч. Рост населения в военные годы связан был исключительно с миграцией. Тыловые службы армий с их раздутыми штатами, раненые и больные в госпиталях, демобилизованные по ранению, беженцы, дезертиры – весь этот пестрый контингент бушующее военное море выбрасывало на берега Невы.

И это было незаметным началом падения города в бездну великой катастрофы. Семнадцатый год для всей России – не только год революции, но и год демографического надлома. Столица заплатила за два столетия имперского процветания по самому полному счету.

Депопуляция, то бишь вымирание. Это бедствие заявило о себе тогда, когда до установления революционной диктатуры, голода, разрухи, ужасов братоубийственной смуты оставалось еще полгода-год. В «свободном» и почти бескровном 1917 году в Петрограде родилось 38 700 человек, а умерло 61 000; в 1918-м – 22 800 и 64 150; в 1919-м, в разгар Гражданской войны, – 12 428 и 65 347. Убыль населения вследствие превышения смертности над рождаемостью составила: в 1917 году 22 300 человек (вдвое больше, чем в предыдущем), в 1918-м – 41 350, в 1919-м – 52 919. Количество смер-

тей на тысячу жителей в 1918 году подскочило с довоенных 23 до 43, в 1919-м – превысило 80, а в 1920 году достигло 90. Это по официальным данным. Насколько они точны, сказать невозможно. В революционном хаосе далеко не все смерти могли быть зарегистрированы.

Уже в начале 1918 года начался исход жителей из города, скоро переросший в паническое бегство. Бежали все кто мог. Бежали от хамства торжествующей красной власти, от своеволия анархистов и малоотличимого от него бандитизма, бежали от нарастающего террора, парадоксально сочетающегося с анархией, от революционных экспроприаций, от обысков, облав, арестов, выселений и уплотнений. Иные ушли воевать – за красных, белых или зеленых, винтовкой и саблей добывать себе право на жизнь. Но более всего бежали от голода и холода – куда глаза глядят. В Эстонию, на Украину, на Урал, на Дон, если очень повезет – в Германию, а уж на самый худой конец – просто в деревню, там земля прокормит. К середине года численность населения Петрограда сократилась почти на миллион – до 1469 тысяч. К осени 1919 года в «столице Северной коммуны», как теперь предпочитали именовать Петроград, числилось чуть больше 800 тысяч жителей. К концу 1920-го – около 700 тысяч. Это, конечно, тоже очень неточные данные. Они, во всяком случае, говорят о том, что только введение продразверстки в 1919 году избавило город от полного вымирания. Оставшихся жителей худо-бедно можно было прокормить; в деревне же теперь от

городских бедствий спасения не было, туда вместе с продотрядами пришли террор и голод.

В опустевшем и опустившемся городе всю хозяйничали болезни, прежде всего тиф. О смертности от тифа можно судить только по данным больниц – умерших у себя дома или на улицах хоронили, не устанавливая диагноза. Так вот, в больницах Петрограда за весь 1919 год от тифа (сыпного, брюшного и возвратного) умерло 3637 человек, из которых почти 60% – мужского пола и чуть больше 40% – женского. А в 1920 году, только в январе–марте, санитары снесли в больничные морги тела 2134 питерцев, умерших от тифа. В марте смертность от этой болезни (1007 случаев) превысила смертность от голода и истощения (около 700). Причем активнее всего орудовала болезнь в рабочих и мещанско-чиновничьих районах города: Нарвско-Петергофском (почти половина смертей), Смольнинском и в Александро-Невской части 1-го городского района.

Душу за керосин

Аккурат в этом самом тифозном марте, а именно 15 числа, окончательно и безнадежно перестали светить в Петрограде уличные фонари. Официальная причина – отсутствие топлива. Впрочем, в течение предшествующих двух лет улицы с каждым вечером погружались во тьму все глубже, ибо самих фонарей становилось все меньше. До революции в городском хозяйстве числилось около 9 тысяч газовых, 3,5 тысячи электрических и 2 тысячи керосиновых уличных фонарей, расположенных как на отдельных столбах, так и на фасадах домов. Бить их начали еще в феврале Семнадцатого. С конца того же года перестали чинить. Сколько осветительных приборов сохранило «работоспособность» к весне 1920-го – неизвестно. Когда спустя два года Отдел коммунального хозяйства (Откомхоз) Петросовета принялся пересчитывать уцелевшие, то насчитал их 2538 штук. То есть $\frac{1}{6}$ часть от дореволюционного количества.

Темно было и в окнах. Электричество давали изредка, да и проведено оно было далеко не во все дома. Керосин сделался драгоценностью еще в 1917-м. С весны 1918-го его стали выдавать по карточкам... а чаще – не выдавать за неимением. Постепенно погасли керосиновые лампы в закопченном сумраке еще обитаемых питерских квартир. Светлый язычок под стеклянным колпаком загорался, лишь если удавалось

по случаю добыть скляночку-другую топлива, выменять на что-нибудь. Впрочем, с хлебом, сахаром, одеждой, обувью творилось то же самое. Зоргенфрей в уже цитированном стихотворении изображает сцену-символ:

Сумрак тает. Рассветает.
Пар встает от желтых льдин.
Желтый свет в окне мелькает.
Гражданина окликает
Гражданин:

– Что сегодня, гражданин,
На обед?
Прикреплялись, гражданин,
Или нет?

– Я сегодня, гражданин,
Плохо спал:
Душу на керосин
Обменял.

Кому повезло доказать свою нужность пролетарской коммуне, того «прикрепляли» к какой-нибудь кухне или выдавали паек. Каша-затируха, мерзлая картошка, гнилая капуста, фунт червивой конины. Это если очень повезет. Совсем сказочное везение – получить вещевое довольствие: валенки, ватник, отрез сукна. Сапоги – верх роскоши. За два-три года революции жители города невероятно обносились. Про-

тертый на локтях до дыр пиджак, пальто с обсыпавшимся воротником и без пуговиц, башмаки, к которым подметки примотаны веревками, – обычная одежда петроградского жителя. Ботинки, бывало, носили по очереди втроем-вчетвером. Некая иностранка, посетившая Совдепию в 1919–1920 годы, записала свои впечатления о концерте Шаляпина в Мариинском театре. Искусство искусством, но этот нетопленный зал, публика в изношенных пальто и драных шинелях... И на сцене великий артист, первый бас Европы, во фраке и рваных башмаках, из которых выглядывали босые пальцы.

Работы и заработка в городе не было, ибо производство рухнуло. До революции в городе действовало 239 металлургических и металлообрабатывающих предприятий и работало на них 233 тысячи рабочих. В 1921 году – 68 предприятий и 26 тысяч рабочих. Почувствуйте разницу.

Помыться, жениться и умереть

Маленький парадокс революции: с пищей, одеждой, теплом и светом дело было табак (кстати, с табаком тоже), а вот с общественными туалетами (по тогдашней официальной терминологии – клозетами или ретирадниками) – заметно лучше. За недостаточное развитие сети этих необходимых заведений городские власти дореволюционного Петербурга – Петрограда постоянно подвергались бичеванию. Ко времени свержения самодержавия в столице насчитывалось 38 отапливаемых общественных клозетов-павильонов (так что участникам февральских революционных событий было где справлять нужду в перерывах между митингами) и 28 неотапливаемых закуточков, именуемых общественными писсуарами. Комиссия Откомхоза, занимавшаяся в 1922 году восстановлением городского хозяйства, констатировала, что эти учреждения неплохо сохранились: павильонов – 38, как было, а вот писсуаров – на один больше (когда и откуда взялся – непонятно). Правда, функционировали не все – соответственно 33 и 26.

В дореволюционном Петербурге не существовало единой системы канализации; проект последней был принят городской думой 7 мая 1914 года и высочайше утвержден в 1915 году. Смета – 91 миллион рублей, коллекторы, насосные станции, напорная сеть, очистные сооружения... Завер-

шение всех работ запланировали на 1931 год. Естественно, до революции успели сделать немного. Нет худа без добра: в годы разрухи по этой части нечему было выходить из строя. Трехкратное снижение численности населения снизило остроту ассенизационных проблем. Читателю небезынтересно будет узнать, что во время революций, Февральской и Октябрьской, Северная Пальмира, по данным санитарных служб, извергала в среднем 50–60 тысяч пудов экскрементов в день. На 1920 год точных данных нет; приблизительно – 10–15 тысяч пудов. Все-таки легче. Но с вывозом даже такого количества «этого самого» существовали проблемы. По итогам ревизии 1922 года, в ассенизационном обозе Петрограда числилось всего лишь 35 лошадей. Получается, что каждая лошадка ежедневно должна была вывозить в Гавань, где между Малым и Средним проспектами еще до революции соорудили специальный приемник-резервуар для дерьма, по 450 пудов (7,5 тонны) этого продукта.

Высокая смертность, эпидемии тифа и испанки поставили перед властями коммуны еще один вопрос – о трупах. Когда-то, в незапамятном 1900 году, председатель Санитарной комиссии городской думы господин Оппенгейм твердил о необходимости строительства крематория в столице. Этот энтузиаст много лет всеми силами проталкивал сию передовую идею и даже издал брошюру «О крематории». Но реализовать проект до революции не удалось: не привыкли петербуржцы к огненному погребению. Новая власть, склонная к

экспериментированию в области ритуала, заинтересовалась экзотическим новшеством. В 1919 году, в разгар боев с Юденичем, была образована комиссия по созданию крематория и проведен конкурс проектов. Один из них, между прочим, предусматривал переустройство под эти нужды Троице-Измайловского собора. Наступивший нэп похоронил идею: для госучреждений был установлен хозрасчет, а окупиться крематорий обещал нескоро. В 1922 году комиссию распустили. Покойников продолжали возить на старые кладбища.

Но смерть смертью, а жизнь есть жизнь. В некоторых ее областях годы разрухи парадоксальным образом стали временем положительных перемен. Например, в Петрограде стали гораздо чаще жениться. В 1919 году было зарегистрировано более 20 тысяч браков, то есть примерно 23 брака на тысячу жителей. Вдвое больше, чем в этом же первом послевоенном году во Франции и Германии. Конечно, причины роста – в упрощении подхода к вопросу. Раньше – все эти благословения, обручения, венчания, родственники, приданое... Теперь – взялись за руки, пришли в загс, распи-сались – и готово. И развестись так же просто.

Сокращение численности населения в 1918–1920 годы надолго убрало с повестки дня едва ли не самый проклятый из всех проклятых вопросов современности – квартирный. В отличие от москвичей, он не портил питерцев еще лет семь-восемь, до конца 1920-х годов. Судите сами: в 1910 году на одну квартиру в Петербурге в среднем приходилось 8,4

жильца (очень много!), в 1917-м и того больше – 10, в 1918-м – только 5. А в 1920-м – 3,5 жильца на квартиру; комнат же в среднестатистической квартире числилось три. Получается, что шестеро из семи питерцев (конечно, среднестатистических) занимали по отдельной комнате. Ни до, ни после о таком жилищном благополучии не приходилось и мечтать. Правда, из-за той же разрухи около четверти всех жилых помещений в городе пустовали. И все же страшная, антисанитарная и бесчеловечная скученность населения, которая была характерна для Петербурга капиталистической эпохи, навсегда отошла в прошлое.

И еще одно неожиданное достижение революционной эпохи. Жители города стали расходовать воды в два с половиной раза больше, чем до революции: почти 32 ведра в сутки на человека в 1920 году по сравнению с 12–14 ведрами в предреволюционные годы. Вот она, живая вода! Водопроводом, правда, была охвачена примерно половина домов Петрограда; без него перебивались в основном обитатели маленьких деревянных домов и домишек по окраинам.

«Ввиду отсутствия обмундирования...»

Но вот что не давало покоя ни властям, ни обывателям, так это преступность. С апреля по декабрь 1917 года в городе было зарегистрировано 10 230 преступлений; в 1918-м за весь год – 12 841. Отсутствие роста, скорее всего, объясняется тем, что в условиях революционного хаоса многие правонарушения просто не регистрировались.

В 1919 году, когда новый порядок уже начал устанавливаться, количество преступлений подсккивает вдвое – 24 500. Это при снижении численности населения в полтора-два раза. В течение того же 1919 года рабоче-крестьянской милицией Петрограда было осуществлено 17 886 арестов и задержаний. Надо сказать, что советская судебная система тогда еще не сложилась, уголовное и процессуальное законодательство было очень фрагментарным, поэтому о масштабах и характере преступности можно судить главным образом по милицйским сводкам.

Несомненное лидерство принадлежит кражам и граббжам; они стали причиной 6740 задержаний. Пожалуй, еще в стольких же случаях преступникам удалось скрыться. Размах этого рода преступлений понятен: в бывшей столице еще было что и кого грабить. Темные улицы, мрачные подворотни, безлюдье – все это благоприятствовало злоумышленни-

кам. Второе место среди причин задержания занимает банальное «пьяное состояние» – 1765 случаев. Это странно потому, что уже пятый год (с начала Мировой войны) в стране действует «сухой закон» и торговля спиртным преследуется самым суровым образом. А вот, поди ж ты, где-то доставали...

Доставали, собственно, «под носом» у новой власти. 744 раза за год милиционеры забирали торговцев спиртным. А вот за изготовление «зеленого змия» – всего 2 задержания! С одной стороны, не научились еще бороться с самогонщиками. С другой – похоже, что основные потоки хмеля текли в глотки пьяниц Северной коммуны из государственных запасов, с охраняемых баз и складов.

Не вызывает удивления, что на третьем-четвертом месте – задержания за торговлю неразрешенными товарами (1308) и спекуляцию (1216): в республике, где запрещена частная собственность и всякая торговля приравнивается к спекуляции, по-иному быть не может. А вот что удивляет, так это сравнительно небольшое количество убийств. Арестовано по этой причине 26 человек и еще 24 – за покушение на убийство. Пересчитаем на тысячу жителей – и увидим, что убивать в коммунистическом Петрограде по сравнению с императорским Петербургом не стали больше. Вовсе ничтожно количество задержаний за преступления на сексуальной почве: всего 5 человек арестованы за изнасилование. То ли революция направила «крылатый Эрос» в полет к свет-

лому социалистическому будущему, то ли свобода нравов восторжествовала, то ли голод лишил преступников силушки...

Характерно практически полное прекращение фальшивомонетничества (2 задержания): деньги никому не нужны. Если уж что и подделывать, так это продовольственные карточки – 216 задержаний. Не перевелись в городе мошенники: сцапано 525 таковых. За азартные игры, строгойше запрещенные советской властью (и правильно!), – 611 задержаний. Еще удалось отловить 275 дезертиров. Это немного, если учесть, что война под Петроградом вовсю гремела, особенно в мае и октябре 1919 года. Видимо, дезертиры теперь вовсе не стремились (как в 1917 году) в Петроград, а предпочитали тихариться по деревням. И наконец, факт показательный: агитация против власти стала поводом для ареста всего лишь в 153 случаях. Как видим, население Петрограда, несмотря на продовольственный и товарный голод, в целом смирилось с новой властью. И научилось побаиваться ее. И не бунтовало даже в дни осеннего наступления Юденича, когда его войска стояли на Пулковских высотах.

1919 год был годом серьезных успехов питерской милиции в борьбе с уголовщиной. Это видно уже из того, что в 1920 году количество зарегистрированных преступлений снизилось почти на треть – до 16 806. Власти обрадовались – и приступили к реорганизации милиции. Сократили наполовину ее состав. В строю осталось лишь две с небольшим

тысячи милиционеров. Да и тех содержать казалось дорого. Из Питера шли в Москву жалобы на нехватку средств на обмундирование защитников революционного правопорядка. В ответ на это замнаркома внутренних дел тов. Владимирский прислал телеграмму руководству Петроградского управления милиции: «Ввиду отсутствия обмундирования и снаряжения в распоряжении отдела снабжения Главмилиции, впредь предлагается вам не принимать на службу новых милиционеров, если управление не в состоянии обмундировать и вооружить их собственными средствами».

Последствия не замедлили сказаться: в 1921 году преступность снова подскочила до уровня 1919 года. Но тут уже наступили другие времена. Петроград оживал, восстанавливал силы, и вместе с новыми обитателями из разных углов и закоулков Советской России стекались в город трех революций шипачи, фармазоны, шнифферы, хипесницы и романтические бандиты типа Леньки Пантелеева. В криминальной истории города начинался новый этап.

Часть I. Эхо революции

«На бой кровавый, Мишка Корявый!»

*О петроградских бандитах и
их короле Леньке Пантелееве*

За годы революции в Петрограде привыкли к очередям. Но этот длиннющий «хвост» упирался не в двери булочной и не в приемную совучреждения, а в ворота морга Обуховской больницы. Презируя снежную, холодную, ветреную погоду, жители Питера шли и шли туда целых трое суток – 13, 14 и 15 февраля 1923 года. Как будто по странной прихоти Режиссера истории на уличной зимней сцене репетировали другую очередь, ту, что выстроится через год ко гробу вождя мирового пролетариата. Но сейчас любопытство и страх гнали петроградских обывателей в жутковатый кафельный свет покойницкой, дабы удостовериться: на оцинкованном столе лежит мертвый Ленька Пантелеев. Именно он. Бандит, за год «деятельности» успевший стать легендарным, был убит при задержании в ночь с 12 на 13 февраля. Подельник Пантелеева Михаил Лысенков, по кличке Корявый, был ранен в перестрелке и задержан. На улицах мальчишки распевали на мотив революционного марша:

На бой кровавый,
Мишка Корявый,
Марш, марш вперед, разинувши рот!

«Нервные люди»

Как писал Зощенко, после Гражданской войны нервы у народа завсегда расшатываются. «И через это дерется он грубо, как в тумане». Сущая правда.

Пусть не самым массовым, но, бесспорно, самым ярким проявлением криминала в первые годы нэпа был бандитизм. Бандитский беспредел 1990-х годов по сравнению с ним кажется детской игрой «в войнушку». Уголовная хроника первой половины 1920-х годов напоминает сводки с фронтов, описания сражений. Бои, перестрелки, засады, убитые, раненые и пленные. Многие банды, оперировавшие в крупных городах, насчитывали по 20–30 активных членов; в провинции, в сельской местности действовали бандформирования по 100 и более человек. На дальних окраинах – в Белоруссии, на Кавказе, в Средней Азии, в Хакасии, в Забайкалье – бандитизм плавно перерастал в партизанскую войну.

Несколько примеров, наугад взятых из прессы только за первую половину 1925 года.

В Орловской губернии обезврежена банда Жердова. Около двух лет она контролировала целый уезд – Кромский. Ни

Советы, ни милиция, ни даже грозное ГПУ ничего не могли с ней поделаться. Бандиты обретали убежище и пропитание у местного населения и легко уходили от погонь. Крестьяне уезда были до смерти запуганы бандитами, а может быть, и сочувствовали им, и, хорошо помня недавние кровавые рейды продотрядов, не доверяли властям. Безнаказанность опьяняла жердовцев; их свирепость переходила все мыслимые границы. Чашу терпения властей и мирных жителей переполнила дикая расправа с крестьянским семейством Горшковых. Несколько бандитов зашли переночевать в дом Горшкова; тот отказать, естественно, не осмелился. Бандитам жилище показалось зажиточным. Через несколько дней они пришли снова, стали спокойно грабить. Прихватили и какие-то тряпки, предназначенные в приданое 17-летней дочери Горшкова. Девичье сердце не выдержало, невеста попросила «дяденек» оставить ей с чем замуж идти. Лучше бы она помалкивала. Бандиты изнасиловали девушку, забрали шмотки и ушли, пригрозив вернуться. Слово свое сдержали. На сей раз Горшков заперся в доме, пытался обороняться – но куда там! Бандиты ворвались в избу, убили хозяина, хозяйку, троих детей. 11-летнего сына повесили, 7-летней девочке распорол живот. Из всей семьи спаслась только 9-летняя дочка – она спряталась под кроватью; туда упившиеся кровью и самогоном мерзавцы не заглянули.

В этой истории поражают свирепость бандитов и их уверенность в себе. Дом Горшкова стоял не в лесу, а посреди

деревни. Но никто не пришел ему на помощь ни тогда, когда грабили его хозяйство и насильовали его дочь, ни в страшный час смерти, при стрельбе и криках. Соседи сидели по своим углам и дрожали. Теперь уж стало ясно: лучше советская власть, чем бандитский разгул. Против Жердова были направлены части конной милиции – фактически армейские соединения. При поддержке крестьян к лету 1925 года с бандой удалось покончить. Численность ее, как оказалось, превышала 100 человек.

В Ростовской области весной того же года объявилась банда, нападавшая на хутора и занимавшаяся угоном скота. Напали, в частности, на дальнюю кошару, принадлежавшую 65-летнему крестьянину-середняку. На беду, при кошаре ночевал хозяин, его дочь, сноха и трое ее детей, 11, 13 и 17 лет. Все были безжалостно убиты. После расправы бандиты угнали скот, продали его в Ростове всего за 1000 рублей (по тем временам – цена хорошей шубы) и скрылись. Силы милиции и Угрозыска были подняты на ноги, бандитов вскоре перебили и переловили. Для этого пришлось устраивать настоящие военные рейды на юг Ставрополя, в горы, где пытались укрыться остатки банды.

В том же 1925 году была предпринята поразительная по своей дерзости попытка ограбить пароход торгового флота «Ильич», шедший из Туапсе в Новороссийск. На борту находились около 100 человек – экипаж и пассажиры, но это не остановило бандитов. Да и немудрено: банда насчитывала

более 30 вооруженных головорезов. 20 из них должны были проникнуть на пароход на очередной стоянке под видом мирных путешественников; дюжина самых отчаянных готовилась к пиратскому нападению на катере с моря. В тот момент, когда пираты атакуют судно, два десятка лжепассажиров выхватят оружие и парализуют сопротивление команды. Нет сомнения, что в случае успеха бандиты вряд ли оставили бы кого-нибудь в живых. По счастью, кто-то из «джентльменов удачи» проболтался и сведения о готовящемся захвате дошли до Угрозыска. Характерно, что в милиции не нашли иного способа действий, как устроить засаду бандитам на пароходе: туда направили группу переодетых агентов. В начавшейся на море схватке им удалось обезвредить банду и захватить ее участников. А если бы не удалось? Но органы охраны правопорядка не располагали ни агентурой, ни техническими средствами для того, чтобы обезвредить банду иным способом.

Надо сказать, что тогдашний Уголовный кодекс РСФСР, принятый в первом относительно мирном 1922 году, был к бандитам, грабителям и убийцам весьма суров: к ним могла быть применена «высшая мера социальной защиты» – расстрел. Никаких предрассудков в отношении смертной казни у советских судей не было. Бандиты знали, что ходят под «вышкой», и поэтому бились до конца. Едва ли не треть участников крупных банд была уничтожена при задержании. Но и милиция несла при этом немалые потери.

Расстрел или уничтожение при задержании представлялись наиболее эффективным исходом борьбы с головорезами еще и потому, что пенитенциарная система Советской России была явно слаба, не отлажена. Тюрмы плохо охранялись, бежать из исправительно-трудовых колоний ничего не стоило. Весной 1925 года имела место даже попытка захвата заключенными поезда, которым их этапировали к месту отбывания наказания. На перегоне Замзор – Камышет (между Красноярском и Иркутском, от Москвы 4,5 тысячи километров) группа осужденных каким-то образом освободилась, разоружила охрану, попыталась захватить паровоз. Машинист, впрочем, оказался не робкого десятка: он успел отцепить локомотив и укатил на нем в Тулун, где сообщил властям о случившемся. Тем временем уголовники принялись грабить пассажирские вагоны, расправляться с охраной. При появлении отряда войск ГПУ со стороны Тулуна около 50 вооруженных зэков бежали в тайгу, где после этого несколько дней продолжался настоящий бой между чекистами и беглецами.

По сравнению с беззащитными селами и медвежьими углами Страны Советов положение дел в Петрограде и Москве кажется образцом мира и спокойствия. Но только по сравнению. В обеих столицах бандитизм цвел пышным цветом; правда, в отличие от нищих окраин, здесь главными жертвами преступников становились «красные частники», нэпманы. Жизнь человеческая ценилась одинаково дешево как

среди старых профессиональных преступников-«урок», так и в шайках «рожденных революцией» бандитов новой волны – «жиганов». Те и другие не задумываясь пускали в ход ножи и револьверы во время ограблений, в столкновениях с милицией, в междоусобных стычках. Московский бандит Котов даже на суде не мог скрыть гордости: на нем числится 116 убийств! Другой москвич, Мишка Культяпый, «замочил» 78 человек; убивал топором, предварительно уложив связанные жертвы веером, ногами к центру, головами врозь, – чтоб «красивше» было. По данным милицейской статистики, количество убийств в Москве в кульминационном 1923 году увеличилось по сравнению с 1916 годом в 10–15 раз, количество грабежей – в 30–40 раз.

Питер не только не отставал от Первопрестольной, но по показателям преступности относительно численности населения опережал ее. По убийствам, например, в 1,5 раза. 5 ноября 1922 года «Петроградская правда» сообщала: «На заседании Исполнительного комитета Петросовета уделено особое внимание работе Уголовного розыска в связи с особым развитием в последнее время бандитизма, краж, грабежей. Среди широких масс создалось представление, что после 12 часов вечера выйти на улицу нельзя – разденут. Грабители наглеют. На днях вывесили объявление: „До 9 часов шуба ваша, а после – наша“». Вот что значит относительная либерализация политической системы и экономики после свинцово-безжалостных лет военного коммунизма!

Банды Чугуна и Белки; Барина (Шалапанова), Яблочка (Рыбакова) и Гостя (Климова); братьев Лопухиных; Барина (не того, а другого); неудачливые «Черные вороны» и inferнальные «Попрыгунчики», до смерти пугавшие поздних прохожих возле Смоленского кладбища... О каждой из этих шаек и о героической борьбе с ними малочисленного и плохо вооруженного Петроградского угрозыска можно написать новеллу. Но, бесспорно, самой яркой среди бандитских историй нэповского Питера стала история Леньки Пантелеева.

«Здравствуйте, я – Пантелеев»

Об этом человеке было создано столько легенд, что сейчас уже трудно отделить правду от вымысла. Даже оперуполномоченные и следователи, имевшие к его делу непосредственное отношение (С. Кондратьев, И. Бодунов, Л. Шейнин), в своих рассказах противоречат друг другу, сочиняют красочные эпизоды, явно увлекаясь остротой и занимательностью сюжета. Попытаемся вычленить факты.

Впрочем, данные о нашем фигуранте расходятся. По одним сведениям – родился в 1898 году, по другим – в 1902 году, вроде бы в Тихвине. Настоящая фамилия – Пантелкин, имя – Леонид, отчество – Иванович, по другим сведениям – Федорович. По профессии наборщик, до революции жил в Питере, во время Гражданской войны перебрался в Псков. Власть в городе менялась не раз: немцы, эстонцы, красные,

Юденич, Балахович... Чем занимался Ленька в эти бурные годы – тайна, покрытая мраком. Из документов известно только, что на исходе Гражданской, летом 1921 года, устроился на службу в военно-контрольную часть Дорожно-транспортной чрезвычайной комиссии (ВЧК ДТЧК) объединенных Северо-Западных железных дорог, в Псковский отдел, но прослужил недолго. За что молодого обаятельного храбреца выгнали из «органов» – достоверно не известно; Бодунов говорит: застукали в притоне; Кондратьев утверждает: «на одном обыске грабежом занялся». Второе вероятнее: до самых последних месяцев жизни Пантелеев практически не пил, не употреблял наркотики, не увлекался азартными играми и был верен своей единственной возлюбленной; так что его присутствие в «злачном месте» труднообъяснимо.

Так или иначе, в начале 1922 года Леонид Иванович-Федорович оказался без работы, приехал в Петроград, зарегистрировался на бирже труда. Начало 1920-х – пик безработицы. Не найдя работы, Пантелеев обрел новых приятелей, безработных с темным прошлым: Митьку Гаврикова и другого Митьку, по кличке Залупа. «Маруха» Залупы служила горничной в доме богатого меховщика Богачева. Приятели посоветовались и решили: чем гнить на бирже, лучше «экспроприировать» недорезанного буржуя. 4 марта 1922 года отправились по адресу: улица Плеханова (Казанская), дом № 39.

Хозяина дома не было. Прислуга, естественно, легко дала

связать себя. То же и родственницы Богачева. Осталось только упаковать в узлы дорогие меха, забрать деньги – и свалить. Надо, однако, отметить: уже на это первое свое дело Ленька отправился с оружием. Достать «шпалер» в Петрограде в те годы было проще простого: огнестрельным товаром из-под полы торговали на городских рынках; особенно известен в этом отношении был Ново-Александровский рынок, угол улицы 3-го Июля (Садовой) и Вознесенского проспекта. Там подельники вооружились за сходную цену. Первое же совершенное Пантелеевым преступление квалифицировалось как разбой и руководство бандой. Согласно только что принятому УК РСФСР – расстрельная статья. Отступать было некуда.

Впрочем, Ленька и не думал об отступлении. Уже в первом «деле» определилось его лидерство. Сложилось преступное сообщество. Гавриков стал в нем вторым человеком, получил кликуху Адъютант. Присоединились еще двое: Сашка Пан и Мишка Корявый. Пантелеев, Адъютант, Пан и Корявый составили костяк банды. Далее следует серия ограблений; все жертвы – богатые люди, нэпманы.

26 июня – налет на квартиру модного частнопрактикующего врача Левина. 12 часов дня. Звонок. Доктор подошел к двери и спросил: «Кто?» – «Доктора нужно». Левин открыл, в грудь ему уперся «шпалер», и, как сквозь сон, трясущийся доктор услышал фразу, ставшую знаменитой: «Здравствуйте, без паники. Я – Пантелеев». 9 июля Пантелеев со

товарищи явился на квартиру ювелира Аникеева в Чернышёвом переулке (ныне – улица Ломоносова). На сей раз – вспомнив старину – под видом сотрудников ГПУ: мол, у «органов» есть сведения о наличии у ювелира неучтенного золота и валюты. Предъявили фальшивые удостоверения, ордер на обыск, забрали ценности, скрылись. Аникеев кинулся звонить в ГПУ и, конечно же, услышал, что никого оттуда к нему не посылали. 14 июля связанным и ограбленным в своей квартире оказался врач Имшенс. 25 августа среди бела дня на Марсовом поле была остановлена пролетка; с пассажиров – двух мужчин и их спутницы – трое вооруженных молодых людей сняли дорогие шубы, отобрали часы, портсигары, украшения, деньги. 1 сентября таким же образом на улице Толмачева (Караванной), возле популярного у нэпманов клуба «Сплендид-палас», были ограблены супруги Николаевы. Во всех этих случаях главарь банды, поигрывая револьвером, вежливо представлялся потерпевшим: «Здравствуйте, я – Пантелеев».

Расцвет деятельности банды пришелся на лето 1922 года. О Пантелееве заговорили: нэпманы – с ужасом, пролетарское население – с симпатией. Надо сказать, что «язвы нэпа» стали гноиться и кровоточить уже спустя год после провозглашения этой политики. Барские замашки «красных купцов», кричащее неравенство, особенно разительное на фоне недавних ультрауравнительных установок военного коммунизма, аморальное и прямо преступное происхождение

большинства нэпманских капиталов – это и многое другое вызывало у подавляющего большинства населения неприязнь к новым богачам, доходящую до ненависти. Пантелеев грабил богатых. В Пантелееве увидели благородного разбойника, Робин Гуда, отбирающего у толстых и дающего тощим. Он старался поддержать этот имидж: после каждого удачного ограбления посылал ценную посылку или деньги какому-нибудь детскому дому. Но благородных разбойников не бывает. За «идейными экспроприациями» непременно последуют убийства. Действительно, кровь скоро полилась.

Багровый закат

Бывший сотрудник ГПУ, некто Васильев, проезжая в трамвае по Загородному, увидел Пантелеева. Соскочив на ходу с трамвайной площадки, он кинулся за ним; Пантелеев – от него, проходными дворами, к Фонтанке. Возле здания Госбанка (бывшего Министерства финансов) на крики Васильева выскочил охранник Чмутов, он попытался преградить дорогу беглецу; тогда Пантелеев выхватил револьвер, несколькими выстрелами убил Чмутова и скрылся в лабиринте дворов.

4 сентября в 12 часов дня на углу Морской улицы и Почтамтского переулкa Пантелеев и Гавриков напали на артельщика-инкассатора пожарного телеграфа, отобрали у него чемодан с зарплатой и скрылись. В тот же день квартальный

милиционер, дежуривший на углу проспекта 25-го Октября (Невского) и улицы Желябова (Большой Конюшенной), увидел, что в магазин промтоваров Бехли входят двое; один похож на разыскиваемого Пантелеева. Милиционер побежал в отделение, оставив наблюдать за подозрительными субъектами знакомого агента Угрозыска, случайно оказавшегося рядом. Через десять минут группа милиционеров ворвалась в магазин. Пантелеев примерял обувь, рядом стоял Гавриков. Начальник отделения Бардзай (в некоторых источниках – Борзой) бросился вперед – и тут же получил смертельную пулю. Еще один милиционер был ранен, но бандитов удалось схватить. Спустя некоторое время на «казах» и «малинах» взяли Корявого, Пана и еще шестерых участников банды Пантелеева. Суд над ними начался уже в ноябре; в расстрельном приговоре мало кто сомневался. Но в ночь с 10 на 11 ноября Пантелеев и главные его сообщники бежали из тюрьмы 3-го исправдома.

Этот дерзкий побег изумил весь Петроград и вызвал разные толки. Говорили о подкупе (эту тему со слов Бодунова развил до отдельного приключенческого сюжета писатель Евгений Рысс в книге «Записки следователя»). Толковали о происках эсеров (как раз в это время в Москве был вынесен смертный приговор нескольким лидерам этой разгромленной партии). Так или иначе, преступники удрали из-за решетки с поразительной легкостью: затаились в пекарне, из пекарни через окно вылезли во двор, забрались на сложен-

ные в углу дрова, перемахнули через ограду – и были таковы. Чуть ли не на следующий день банда возобновила грабежи. Около месяца орудовали на Марсовом поле, останавливая извозчиков, раздевая и богатых, и бедных пассажиров. Потом, увертываясь от милицейского преследования, перенесли свою деятельность в район Фурштатской и Кирочной улиц. Тут, в ходе ограбления, был убит инженер Студенцов: остановленный бандитами, он зачем-то полез в карман шубы; Ленька «подумал», что за пистолетом, – и не раздумывая застрелил беднягу на глазах у жены.

Вообще это был уже другой Пантелеев. Не брезговал ограблениями простых граждан. Не задумываясь убивал. Стал сильно пить, расслабляясь после трудов праведных на «хазах», коих у него по городу были десятки. Нигде не останавливался больше чем на две ночи. Перестал посещать сестру и возлюбленную, которых раньше нежно опекал. Боялся засады, боялся преследования. Понимал, что скоро ему конец. В Угрозыске после его побега сформировали ударную группу; чуть ли не каждый день «брали» кого-нибудь из множества «барыг», «марух», наводчиков, связанных с бандой Пантелеева. И все же обаяние его было велико: арестованные подельники не «раскалывались» или «раскалывались» не до конца. Раз десять Ленька уходил от самых верных засад. 9 декабря его чуть не «накрыли» в облюбованном нэпманами ресторане «Донона» на Мойке, возле Капеллы: швейцар сообщил в милицию о подозрительных посетителях. Бойцы при-

мчались из расположенного по соседству, на площади Урицкого (Дворцовой), помещения Угрозыска. В ресторанном зале, под визги женщин и звон бьющейся посуды, загрохотала перестрелка. Гаврикова взяли, но раненный в руку Пантелеев ушел. Он казался неувлимым.

В Угрозыске понимали: рано или поздно Пантелеев попытается установить связь с сестрой. На ее квартире (угол Столярного переулка и Екатерининского канала) устроили засаду. 10 февраля в дверь постучали условным стуком. Агенты открыли дверь. Пантелеев? Нет, Мишка Корявый. Агенты растерялись на минуту; Корявый, отстреливаясь, бросился бежать – и скрылся. Через день, поздно вечером 12 февраля, Корявый и Пантелеев явились на одну из последних надежных квартир, на Можайской улице. Они не знали, что за несколько дней до этого хозяйка «хазы» была арестована и раскрыла оперативникам условные знаки, которыми должна была предупреждать Пантелеева об опасности. Корявый и Ленка несли корзину с едой, руки их были заняты, в карманах – бутылки. Войдя в квартиру, они сразу поняли, что попали в засаду, но вытащить пистолеты из набитых карманов не успели. Агенты выстрелили раньше. Пантелеев был убит на месте, раненый Корявый – взят.

Эпилог или пролог?

Начальник научного отдела питерского Угрозыска А. А.

Сальков учил, как готовить труп к фотографированию – на примере Пантелеева, – в статье под мрачно-мистическим названием «Оживление» (На посту. 1925. № 2): «Имеющиеся на лице большие и глубокие раны тампонируются гигроскопической ватой и засыпаются или замазываются подкрашенным тальком... Если имеются на лице кровоподтеки с припухлостью, то их надо устранить путем проколов и выдавливания крови или же высасывания крови шприцем... Далее все лицо припудривается тальком и открываются глаза путем поднятия верхних век... Я укрепляю поднятые веки глаз при помощи введения под веки в толщу белковой оболочки глазного яблока стальных английских булавок с волокнами ваты... Открытые таким образом глаза надо смазать глицерином или каким-либо растительным маслом для придания им естественного блеска».

Гавриков, Корявый и другие члены пантелеевской банды были расстреляны по приговору суда.

Впрочем, не прошло и месяца, как в Питере появились лже-Пантелеевы. Вместо Мишки Корявого появился налетчик Митька Картавый; при его задержании (май 1923 года) в чайной «Китайская кумирня», что в Кузнечном переулке, погиб инспектор 1-й бригады Уголовного розыска В. Ф. Шуляк. Сам Картавый, смертельно раненный, выпрыгнул из окна, заполз в подвал, где и был обнаружен. Преемник Шуляка П. П. Субоч погиб через полгода при попытке задержания вооруженных преступников в гостинице «Киев», на углу

проспекта 25-го Октября (Невского) и проспекта Володарского (Литейного). Бандитизм умирал, но не сдавался. «На бой кровавый, Митька Картавый!»»

Дегустаторы свежей крови

И снова о петроградских бандитах

Бандиты двадцатых годов... Романтические, страшные, бесшабашные и беспощадные. Они явно жили по принципу пушкинского Пугачева: «Лучше раз в жизни горячей крови напиться, чем сто лет падалью питаться». Эта психологическая особенность роднит их с предводителями красных, белых, черных и зеленых «армий» времен Гражданской войны. В сущности, все 1920-е годы Гражданская война продолжалась, только линия фронта пролегла по-другому. По одну ее сторону остались верные adeпты анархической уголовной вольницы, рыцари революционного грабежа, джентльмены удачи, предводительствуемые пусть и измельчавшими по сравнению с командирами и «батьками» времен Гражданской войны, но все еще достаточно яркими, не лишенными обаяния главарями. По другую – стражи порядка, защитники и строители социалистической законности, бескорыстные слуги нового аппарата принуждения. Конечно, наши симпатии на стороне последних. Отметим, правда, одно обстоятельство: именно их героическими трудами к 1930-м годам была выстроена жесткая репрессивная система, именуемая «сталинской».

Братья-разбойники

Криминальные хроники тех времен похожи на сценарии приключенческих фильмов. Засады, перестрелки, побег, погони составляют их бурную динамику. Потери были велики и примерно равны с обеих сторон. Современные оперативники, чья жизнь тоже не сахар, едва ли позавидуют агентам Угрозыска двадцатых годов. В кабинетах им не приходилось засиживаться. Чуть что – тревога, по автомобилям, на ходу проверяя оружие; через пять или десять минут его наверняка придется пустить в ход.

Вот одна – во многом типичная – история деятельности банды Лопухиных и борьбы, которую вели с ней сотрудники Угро¹.

6 декабря 1925 года ленинградским милиционерам удалось достичь крупного успеха: арестовать двух братьев Лопухиных, Бориса и Николая. Вместе с третьим братцем, Павлом, они составляли опасную банду, которая терроризировала магазины, кооперативы и кассы Ленинграда в течение полутора лет. Главарем банды стал старший брат – Борис. К моменту задержания ему было 26 лет. Прежний род его занятий был мирным: он работал конторским служащим в

¹ Угро, УР – принятые в те годы сокращения названия «Уголовный розыск». Наряду с этим использовались аббревиатуры: МУР – Московский уголовный розыск, ЛУР – Ленинградский уголовный розыск, УУР – Управление уголовного розыска и др.

типографии имени Ивана Федорова на Звенигородской улице. Тут и зародилась в его бедовой голове идея обогащения через преступление. Время было подходящее. После гибели Ленки Пантелеева бандитизм, осененный его уголовно-поэтическим именем, переживал свой последний романтический подъем. Взгляды старшего брата на жизнь разделял 22-летний Николай, работавший слесарем на заводе – стало быть, принадлежавший к победившему пролетариату, гегемону революции. Объект для первого нападения далеко искать не стали. Борис долго и внимательно присматривался к кассе родимой типографии. И наконец решил: будем брать.

Летом 1924 года двое неизвестных в масках поздно вечером ворвались в помещение кассы. Стóрожа связали (он, впрочем, и не думал сопротивляться), несгораемый шкаф вскрыли, добыли оттуда 4500 рублей – и были таковы. Освободившийся от пут сторож вызвал милицию, началось дознание, следствие – но по горячим следам выйти на преступников не удалось, а через положенный срок дело приостановили «в связи с неустановлением подозреваемых». Ленинградская милиция и без того сбивалась с ног в погоне за разномастными бандитами, и второсортное ограбление плохо охраняемой типографской кассы детально расследовать было просто некогда.

Братья были ободрены успехом и безнаказанностью дерзкого налета. Но добытые деньги скоро кончились: в нэповском Ленинграде было много способов быстро и приятно

потратить крупную сумму. Роскошные меню ресторанов Додона и Федорова, рулетки и карточные столы Владимирского клуба, тайные притоны с дорогими проститутками – все это так контрастировало с нищенской жизнью родной Нарвской заставы, все это манило неостановимо. Надо было что-то предпринимать. Борис устроился кассиром не куда-нибудь, а в Северо-Западную областную контору Госбанка. Не успели к новому служащему привыкнуть в этой почтенной конторе, как обнаружилась растрата на сумму 1000 рублей. Подозрение пало на Бориса Лопухина, но он вовремя скрылся. С этого времени братья сосредоточились исключительно на вооруженных ограблениях.

В течение всего 1925 года ими совершена серия налетов на государственные магазины и кооперативы; не пренебрегали бандиты и нападениями на артельщиков банков и госучреждений (артельщиками в те времена называли инкассаторов). Не всегда и не все шло гладко: несколько раз братьев-разбойников пытались задержать бдительные милиционеры. Лопухины не задумываясь пускали в ход оружие. Так, отстреливаясь, они каждый раз скрывались от погони.

Но постепенно в деятельности банды начинают проступать своеобразные акценты. В ночь с 31 декабря 1924 года на 1 января 1925-го – в новогоднюю ночь, без четверти полночь, – трое неизвестных вошли в магазин «Вина Армении» в доме № 65 по Кронверкскому проспекту. Магазин был открыт по случаю праздника. Поздние посетители выхватили

револьверы и, уложив приказчика и кассира на пол, забрали из кассы всю выручку, с полок – несколько бутылок вина, после чего скрылись, растворившись в звездной новогодней дымке. С этого эпизода начинается длинная серия ограблений ленинградских винных магазинов. Причем более всего не везло армянским винам. 7 января, в Рождество, точно таким же манером был ограблен магазин «Вина Армении» в доме № 31/20 по Матвеевской улице; добыча – 450 рублей, золотые часы с руки заведующего и, конечно же, бутылки. 15 января пострадали «Вина Армении» на проспекте Стачек, дом № 48, а 24 января – магазин той же фирмы на Лиговке, дом № 88. Насладившись армянскими винами, налетчики решили разнообразить меню. 31 января налету подвергся магазин «Вина Дагестана» в доме № 9/11 по 1-й улице Деревенской Бедноты (бывшей Большой Дворянской, позднее – Куйбышева).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.